
ИДИОТОКРАТИЯ
МЕНЬШЕ ДУМАТЬ — БОЛЬШЕ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ
ПОТРЕБЛЯЙ ЛИСТАЙ ПОДЧИНЯЙСЯ БУДЬ ДОВОЛЕН
БОЛЬШЕ РАЗВЛЕЧЕНИЙ
ГЛУПОСТЬ ТЕПЕРЬ В ТРЕНДЕ
18+
ИДИОТОКРАТИЯ

Игорь Чевелев

Идиотократия

«Автор»
2026

Чевелев И.

Идиотократия / И. Чевелев — «Автор», 2026

Дмитрий Ковалёв — самый обычный человек в стране. Это не обидная оценка, а официальный результат: государственный Индекс признал его идеально средним, с отклонением ноль целых четыре десятитысячных. За это ему предлагают большие деньги и один год сна в медицинской капсуле.Он просыпается через пятьсот лет.Люди разучились читать. Воду называют мёртвой и не пьют. Страной правит чемпион телешоу, выборы проходят на арене, а слово «умный» давно стало ругательством. Чтобы выжить здесь, Дмитрию придётся стать самым умным человеком на Земле.Но в этот мир его отправили не случайно. Он — зонд. И если он справится, проснутся те, кто этот мир построил.«Идиотократия» — смешная и страшная книга о том, что случается с людьми, когда думать становится необязательно.

© Чевелев И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Низ 5
Глава 2. Индекс 9
Г 13
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Игорь Чевелев
Идиотократия

Глава 1. Низ

«Мы сохраняем лучшее».

Из рекламы «Корф-Био», 2031 год

Дмитрий проснулся оттого, что тонул.

Крышка над лицом была приоткрыта совсем чуть-чуть, с ладонь, и через щель внутрь лилось что-то густое и тёплое. Пахло жвачкой и палёной пластмассой. Оно уже стояло у ушей, и каждый раз, когда он пробовал вдохнуть, часть попадала в нос. Он хотел поднять руки и не смог. Руки были, он их чувствовал, но лежали они где-то отдельно и слушаться не собирались.

Где-то рядом ровный женский голос повторял одно и то же:

«Пробуждение. Не двигайтесь. Температура тела тридцать два и четыре. Не двигайтесь. Температура тела...»

Голос был записанный, он понял это по тому, как ровно тот повторял. И голос он узнал. Доктор Гаврилова. «Один год, Дмитрий Сергеевич».

Жижа дошла до губ.

Тогда он ударил крышку лбом. Получилось слабо, но крышка чуть сдвинулась. Он ударил ещё раз, и ещё, и на четвёртый раз что-то скрежетнуло, крышка ушла вверх и там застряла. Он перевалился через край боком, как мешок, упал во что-то по колено, и его вырвало. Вырвало тем же розовым, и это длилось долго.

Потом он стоял на четвереньках и считал вдохи, потому что надо было считать хоть что-нибудь. На десятом поднял голову.

Зал он узнал. Низкий потолок, красные дежурные лампы, которые горели вполсилы. Ряды белых гладких ящиков в рост человека, у каждого сбоку зелёный огонёк. Ряды уходили в темноту. Сюда его привели в прошлом году. Везли вниз на лифте, потом вели по лестницам, и в этом зале человек в хорошем пальто говорил: «Это всё для вас. Ну, не лично для вас». Потом Дмитрий лёг, ему стало холодно, и доктор Гаврилова сказала: «Один год, Дмитрий Сергеевич. Увидимся через год».

Розового по колено он не помнил.

Оно лилось сверху. В потолке была дыра, из неё торчала арматура и свисали куски чего-то вроде бетона, только легче, и из дыры шла толстая тёплая струя, как из перебитой трубы. Ближний ряд ящиков уже затопило до половины. Зелёные огоньки светили из-под жижи, как фонари под водой.

Над дырой грохотало. Музыка, наверное, хотя он бы это музыкой не назвал: удар, удар, удар, и на удары сверху ложились голоса. Очень много голосов. Они кричали что-то короткое, в такт, и слов было не разобрать.

Он встал. С третьего раза.

На нём была больничная рубаха, насквозь мокрая. Босые ноги в жиже. Так холодно ему не было никогда. Холод шёл изнутри, из костей. Как будто кости промёрзли насквозь и только сейчас начали оттаивать. Он пошёл к стене, потому что там что-то светилось. Шёл медленно, держась за ящики. Ящики были тёплые. На каждом табличка. Первую он прочитал, потому что читал всё, что попадалось на глаза:

ОБЪЕКТ 207. ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК ЖАРОВ Д. М.

И вторую:

ОБЪЕКТ 208. ЖАРОВА Н. Р.

Третью читать не стал.

У стены висел экран, большой и старый, с трещиной через угол. На нём белым по чёрному, простым шрифтом, каким печатают на коробках, было написано:

ОБЪЕКТ 413. КОВАЛЁВ Д. С. ПРОБУЖДЁН. ПРИЧИНА: ВНЕШНЕЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО.

ОБЪЕКТ 414. ЗАЛЕССКАЯ В. И. ПОВРЕЖДЕНИЕ КАПСУЛЫ. АВАРИЙНЫЙ ПРОТОКОЛ.

ОБЪЕКТЫ 001-412. ОЖИДАНИЕ. УСЛОВИЯ ВЫПОЛНЕНЫ: 0 ИЗ 3.

УСЛОВИЕ 1. ВЕСТНИК ВЫЖИЛ: ПРОВЕРКА. ОСТАЛОСЬ 71:52:40.

ВРЕМЯ С МОМЕНТА КОНСЕРВАЦИИ: 182 596 СУТ.

Он прочитал это три раза, как читал любой документ. Кто такой Вестник, он не понял. Залесскую он помнил: так охранник назвал девушку в наручниках, там, в приёмной. Он крикнул «Залесская!» в темноту. Зал не ответил. Где её ящик, он не знал. Последняя строчка была понятнее всех, и от неё он не мог оторваться.

Сто восемьдесят две тысячи пятьсот девяносто шесть суток.

Математиком он не был, но восемь лет считал ящики, четыре в армии и четыре на складе, и делить в уме умел. В году триста шестьдесят пять дней. В ста годах тридцать шесть с половиной тысяч. В пятистах... Он посчитал ещё раз, потому что сбился. Вышло то же самое.

Пятьсот лет.

Саша. Он подумал про Сашу и тут же запретил себе думать дальше. Нет. Потом. Сначала выбраться.

«Нет», сказал он вслух. Голос вышел чужой и сухой, как будто в горле шуршала бумага.

Экран ничего не ответил. Показал 182 596, потом мигнул и показал 182 597.

Полночь, сообразил Дмитрий. Где-то наверху только что начался новый день, и он тут единственный, кто это заметил.

* * *

Сверху, из дыры, посыпалось.

Сначала мусор: куски лёгкого бетона, какая-то блестящая обёртка, пустая банка, которая шлёпнулась в жижу и встала торчком. Потом ноги. Маленькие, в чём-то ярком и рваном. Потом всё остальное. Девочка лет тринадцати, в куртке из серебристого пластика, с волосами, перехваченными куском провода, съехала по арматуре, как по шесту, спрыгнула в розовое и даже не поморщилась. Огляделась и увидела его.

Она замерла. Он тоже.

Лицо у неё было худое, очень грязное и очень внимательное. Она смотрела на него так, как он сам всю жизнь смотрел на накладные: быстро и по пунктам. Рубаха. Босые ноги. Открытая капсула за спиной.

«Иди ты», сказала она.

Он открыл рот и закрыл. Его посылали много раз, но ни разу вот так спокойно, как говорят «привет».

«Я... Где...»

Девочка наклонила голову набок. Так делает собака, когда слышит знакомое слово, но не команду.

«Ты чё, старый?»

«Я Дмитрий».

Она подумала.

«Дмитрий. Это чё?»

«Имя».

«Длинное», сказала она с подозрением и шагнула ближе. Не к нему, к капсуле. Заглянула внутрь, провела пальцем по краю, лизнула палец и скривилась.

«Жива. Протухшая».

«Чего?»

Но она уже смотрела на его руку. На запястье, где с прошлого года висел медицинский браслет: белый, с чипом, с фамилией и группой крови. Единственная чистая вещь во всём зале.

«Моё», сказала девочка и взялась за браслет.

Он дёрнул руку, но она уже держала, и пальцы у неё были как плоскогубцы. Он схватил её за плечо. Она укусила его за запястье, быстро и деловито, как перекусывают нитку. Браслет щёлкнул и остался у неё.

«Ты что...»

«Лайков нет», сообщила она, вертя браслет. «Огонька нет». Она заглянула ему за одно ухо, потом за другое. «Ты вообще никто».

Это он уже слышал. Это ему официально сообщили, с поздравлением.

«Слушай. Какой сейчас год?»

Девочка долго на него смотрела. Что-то в ней менялось. Он видел, как она перестаёт видеть в нём добычу и начинает видеть что-то другое, и это другое ей совсем не нравится.

«Год», повторила она. «Это типа сезон?»

«Какой сезон?»

«Четыреста двенадцатый. Только что был». Она отступила на шаг. «Ты чё, не смотрел?»

«Я спал».

«Спуха там». Она ткнула пальцем вверх, туда, где грохотало. «А тут Низ. Тут не спят. Тут вообще никого».

Он показал на ряды.

«А это кто?»

Девочка посмотрела на капсулы, на зелёные огоньки под розовым, потом на него. И он увидел, как до неё доходит. Не что это за ящики. А что он знает, что это за ящики.

«Ты умняк», сказала она тихо.

«Кто?»

«Умняк». Она отступила ещё. Браслет сжимала в кулаке. «Ты говоришь длинно. Ты читаешь. Вон то читал, я видела».

«Я просто...»

«Умняков в Яму», сказала она. Не ему, себе. Так повторяют правило, чтобы не забыть.

И побежала.

Она взлетела по арматуре быстрее, чем он успел сказать «подожди», и исчезла в дыре. Сверху капало розовое, и где-то далеко, всё тише, шлёпали по железу босые ноги.

* * *

Он полез за ней.

Не потому что хотел. Оставаться было нельзя: жижа прибывала, ряды уходили под неё один за другим. Экран у стены показывал 182 597, а под этим бежали цифры: 71:38:12. Он не знал, что будет, когда они дойдут до нуля. Он знал только, что кто-то здесь ждёт, выживет он или нет. И считает. Он взялся за арматуру. Она была тёплая и липкая. Подтянулся и чуть не сорвался, руки не держали, руки были будто чужие. Подтянулся снова, упёрся коленом и полез, как лезут из колодца.

Дыра вывела в шахту. Широкую, железную, с рёбрами, по которым можно было лезть, как по лестнице. Вентиляционную, наверное. Она шла вверх круто и долго, и по ней текло розовое, и он лез против течения, и течение было сладкое. Руки срывались. Он останавливался, дышал и лез дальше. Грохот становился ближе, и теперь он различал слова. Слов было два. Их орали тысячи глоток, в такт, как орут на стадионе:

«И-ДИ ТЫ! И-ДИ ТЫ! И-ДИ ТЫ!»

Шахта упёрлась в решётку. Решётка была выломана, и, судя по размеру дыры, той же девочкой. Он протиснулся.

И вылез на свет.

Свет был розовый. Всё вокруг было розовое. Он стоял у стены огромной чаши, под самыми трибунами. Стадион, понял он. Самый настоящий, трибуны до самого верха. А вместо неба над чашей висел экран. Один, размером с небо. На экране в замедленной съёмке снова и снова огромный мужик с голой грудью и золотыми волосами поднимал над головой что-то маленькое и блестящее. А трибуны, сто тысяч человек в блестящем, рваном, ярком, вставали и ревели:

«И-ДИ ТЫ! И-ДИ ТЫ!»

Над экраном горели буквы высотой с дом:

СЕЗОН 412. ЧЕМПИОН: ГРОМ.

В центре арены, далеко, была яма. Обычная яма, квадратная, какую копают под столб, только большая. Из ямы шёл пар. И у ямы, спиной к Дмитрию, сидел золотой человек с экрана. Настоящий. Огромный. Сидел на краю, ноги в розовой луже, и смотрел вниз.

Дмитрий не пошёл к нему. Он не знал почему. Просто не пошёл.

Он поднял голову, потому что надо было куда-то смотреть, и увидел, что экран закрывает не всё. В прорехе, где когда-то была крыша, стояла луна. Нормальная луна, белая, круглая, та самая. Единственная вещь за сегодня, которую он узнал.

Поперёк луны было написано: ЖИВА! ПЕЙ, А ТО УМРЁШЬ.

Он сел на землю у решётки.

На него никто не смотрел. Сто тысяч человек смотрели на экран. Золотой человек смотрел в яму.

Снизу, из шахты, из розового, долетел голос. Женский, хриплый и злой. Её, судя по всему, тоже только что вырвало.

«Ну что», сказал голос. «Я же говорила. Врут».

Глава 2. Индекс

«А что вы скажете родителям, у которых дети в седьмом классе не могут прочитать абзац?» «Иди ты».

Из прямого эфира, 2031 год. Двести миллионов просмотров за неделю

Пятьсот лет назад, в одиннадцать двенадцать, у Дмитрия Ковалёва в нагрудном кармане дёрнулся телефон, и Дмитрий стал самым средним человеком в стране.

«Уважаемый Дмитрий Сергеевич! По результатам годового расчёта Индекса гражданской нормы Ваш профиль признан наиболее соответствующим среднему значению по Федерации (отклонение 0,0004). Поздравляем! В ближайшее время с Вами свяжутся».

Он прочитал два раза, потом третий. Он всегда дочитывал до конца. Сам он считал, что это единственное, что в нём есть заметного. Он дочитывал инструкции, договоры, таблички на дверях, состав на пачке гречки. На этом держался весь склад номер семь компании «Доставим»: четыре тысячи квадратов стеллажей, двенадцать человек в смене, один сканер на троих. В прошлом году привезли «Сортировщик-3». Это была линия, которая две недели аккуратно раскладывала посылки не в те контейнеры. Дмитрий взял домой инструкцию на сто сорок страниц и за выходные прочитал всю. В понедельник линия заработала. Региональный директор сказал: «Ну ты, Ковалёв, конечно, зануда» и выписал три тысячи премии.

Дмитрий не обиделся. Это была правда.

«Чего там?» спросил Гена. Гена был грузчик и видел всё, что у кого на экране, метров с трёх.

Дмитрий показал. Гена прочитал, шевеля губами, и заорал на весь склад:

«Ковалёв самый средний! Официально! Я всегда говорил!»

Через десять минут знали все двенадцать. Через двадцать на доске объявлений висел распечатанный лист «Дмитрий Ковалёв: НОРМА. Равняйсь!», и кто-то уже дорисовал ему корону. Дмитрий смеялся вместе со всеми. Это и правда было смешно, а не смеяться было бы странно.

«Это ж выходит», сказал Гена на перекуре у ворот, «ты как бы все мы сразу. Ну типа, если тебя разрезать, там мы все лежим».

«Типа того», сказал Дмитрий.

Ноль целых четыре десятитысячных. Он думал про это число всю смену. Из чего оно собрано? Зарплата, понятно. Метраж квартиры, понятно. Сколько детей, сколько браков, сколько штрафов и больничных. Сколько раз в месяц он ходит в магазин, сколько в бар, сколько никуда. Индекс считал всех. На каждой станции метро стояли серые арки. Проходишь, арка тихо щёлкает, и на уровне глаз загорается зелёный огонёк. Дмитрий проходил под ними каждое утро в семь сорок и ни разу не задумался, что они там считают. Знал только, что у него всегда зелёный. Однажды у мужика в капюшоне впереди загорелся жёлтый. Мужик остановился и не понял. К нему уже шли двое в серых ветровках, спокойно, как подходят к человеку, который уронил перчатку. «Ничего страшного. Уточнение профиля. Две минуты». Мужика увели к стеклянной будке, и очередь сомкнулась за ним, как вода. Больше Дмитрий его не видел.

Но арки видели его две секунды в день. А остальное? Сколько минут он смотрит в потолок, пока не заснёт? Это тоже где-то записано?

Откуда у них это всё?

В обед в комнате отдыха работал телевизор, который никто не выключал с прошлого года. Шла реклама: белый коридор, свет, спокойный женский голос. «Корф-Био. Мы сохраняем лучшее». Потом сам Корф, интервью крутили уже третий день. Худой, седой, лицо человека, которому некуда спешить. Ведущая спрашивала, правда ли, что Индекс оценивает людей.

«Индекс не оценивает», сказал Корф. «Он описывает. Оценивать будете вы».

И улыбнулся, как будто сказал что-то доброе.

* * *

Без десяти пять у ворот стояла машина, какой тут никогда не стояло. Длинная, тёмная, совсем без звука. Рядом с ней стоял человек в пальто. Не в костюме, а именно в пальто, и пальто это стоило примерно как машина Дмитрия, если бы у Дмитрия была машина.

«Дмитрий Сергеевич?» Человек не улыбался и не хмурился. Лицо у него было такое, словно с него стёрли всё лишнее. «Меня зовут Павел. „Корф-Био“. У нас к вам предложение, и оно действует до полуночи. Сядем?»

В машине было тихо, как в сейфе. Дмитрий сел сзади, Павел рядом, дверь закрылась сама.

«Вы получили уведомление».

«Получил».

«Поздравляю. Это не шутка, хотя понимаю, на складе это выглядело как шутка». Павел достал планшет, но пока не включал. «Программа „Резерв“. Долгосрочная медицинская консервация. Проще говоря, капсула. Вы ложитесь, вас охлаждают, вы спите. Год. Через год вас будят, обследуют и отпускают. Полная страховка, лучшая клиника в стране, наблюдение круглые сутки. И вот это».

Он включил планшет и повернул экраном к Дмитрию. Там было одно число.

Дмитрий посчитал нули. Потом ещё раз, медленнее.

«Это... за год?»

«Это аванс. Половина. Вторая половина после пробуждения».

Дмитрий посмотрел в окно. За окном стоял Гена, курил и очень старался не смотреть на машину.

«Почему я?»

«Потому что вы норма». Павел сказал это так, как говорят «потому что вы блондин». «Мы знаем, как переносят процедуру спортсмены, лётчики, добровольцы с особыми показателями. Это знание бесполезное, таких людей мало. Нам нужно знать, как её переносит обычный человек. Самый обычный из возможных. То есть вы».

«А если я... не перенесу».

«Тогда ваша дочь получает обе половины. Пункт четырнадцать».

Дмитрий не говорил, что у него есть дочь.

«Дмитрий Сергеевич», мягко сказал Павел. «Мы же считаем Индекс».

За забором, над полем, на котором восемь лет собирались что-то построить, садилось солнце. Дмитрий подумал, что ни разу не видел, как оно там садится, хотя работал тут четыре года.

«Мне надо подумать».

«Конечно». Павел убрал планшет. «Средние люди думают долго. Это и значит „средне“. Договор у вас в приложении, сорок страниц. Я знаю, что вы их прочтёте. Подпись лицом. До полуночи».

Дверь открылась сама.

* * *

Четверг был не его день, его были субботы, но Оля задерживалась и написала: «Заберёшь из школы? К семи привези». Он забрал. Саша вышла из школы в оранжевой куртке, волоча рюкзак по асфальту, увидела его и не побежала. Ей было восемь, бегать к папе было уже несолидно. Но пошла быстрее.

Ели шаурму у метро, на холодной лавке. Саша считала, что у метро шаурма единственная настоящая. У киоска толклись подростки, у каждого в руке светился телефон. На всех телефонах было одно и то же: человек в яме, настоящей, с земляными стенками, а по краю стоят люди и что-то орут. Шоу так и называлось, «Яма». Дмитрий его не смотрел, но правила знали все: в яме остаётся один. Что происходит с остальными, в правилах не уточнялось.

Двое пацанов столкнулись у окошка и заржали:

«Иди ты!»

«И ты иди!»

Это была новая шутка. Депутата в прямом эфире спросили про школы, а он посмотрел в камеру долгим пустым взглядом и ответил. Дмитрий видел ролик раз пять и каждый раз не понимал, что тут смешного.

Саша ела аккуратно, подставляя салфетку, и рассказывала, что сегодня в классе был «Индекс для детей»: играна планшетах, отвечаешь на вопросы, а потом тебе показывают, какой ты.

«И какая ты?»

«Любознательный исследователь», сказала Саша с отвращением. «Это у всех девочек. У всех мальчиков „смелый первопроходец“. Семён Палыч сказал, это чтоб никто не обиделся».

«А по-настоящему?»

«По-настоящему никто не знает». Она откусила. «А ты какой?»

«Я средний».

«Это плохо?»

«Это... никак».

Саша подумала, жуя.

«Семён Палыч говорит, „никак“ не бывает. Бывает или что-то, или ничего».

Дмитрий засмеялся. Смех получился какой-то не такой, и она посмотрела на него внимательно, как смотрят на взрослого, который сделал что-то не по правилам.

«Пап. А ты кем работаешь?»

Он знал, что она знает. Она спрашивала про другое.

«Я слежу, чтобы всё было на месте».

«А если что-то не на месте?»

«Тогда я читаю, куда это положить».

Она подумала ещё.

«Это хорошая работа», решила она и доела.

Он чуть не сказал ей. Прямо там, на лавке. Что ему предложили и сколько. Что он согласится и через год отдаст Оле всё, что должен, и ещё столько же сверху. Что купит квартиру, где у Саши будет своя комната со своей дверью. Что это просто сон, длинный сон, как в самолёте. Он открыл рот и сказал:

«Я, может, в командировку уеду. Надолго».

«Куда?»

«Далеко».

«Привезёшь что-нибудь?»

«Привезу».

Она кивнула, как будто это было совершенно нормально, и попросила ещё салфетку.

В семь он отдал её Оле у подъезда. Оля спросила, что с ним. Он сказал, что ничего.

* * *

Дома было тихо, если не считать стены. За стеной у соседей шла «Яма», финал недели, судя по тому, как орала толпа: ровно, волнами, как прибой. Дмитрий сел на кухне, не включая свет, и открыл приложение.

Сорок страниц. Он прочёл все. С начала до конца, не пропуская примечаний, как делал всегда. Пункт четырнадцать был на месте: в случае смерти участника выплата в полном объёме наследнику первой очереди. Пункт двадцать два: участник подтверждает, что не имеет обязательств, препятствующих... Пункт тридцать один: участник проинформирован о плановой продолжительности процедуры.

Плановая продолжительность: «12 (двенадцать) месяцев».

И ниже, мелким шрифтом, в скобках: «либо до наступления условий, указанных в Приложении Г».

Он пролистал в конец. Приложения А, Б, В. Приложения Г не было.

Он посидел. За стеной толпа взревела, кто-то, видимо, остался один. Он подумал: опечатка. Подумал про число с нулями. Подумал про Сашу, которая сказала, что «никак» не бывает, и про Гену, который сказал, что если его разрезать, там лежат все. Подумал, что если он и есть норма, то норма сейчас сидит на кухне в темноте и не может решиться, и значит, это нормально, и значит, всё правильно.

В двадцать три сорок одну он поднёс телефон к лицу, и телефон его узнал.

* * *

Приёмная «Корф-Био» была вся стеклянная и ничем не пахла. Даже воздух здесь был какой-то отфильтрованный. Дмитрия посадили на белую скамью и велели ждать. Он ждал. Это он умел.

Дверь в конце зала открылась, и двое охранников ввели девушку.

На ней были наручники, настоящие, не как в кино, и серая толстовка не по размеру. Лицо слишком спокойное для человека в наручниках. Лет под тридцать, тёмные волосы собраны кое-как. Она села на скамью напротив, охранники встали по бокам. Посмотрела на Дмитрия быстро, целиком, как будто запоминала.

«Ты тоже на год?» спросила она.

Он кивнул.

«Врут», сказала она просто.

«Залесская», сказал охранник. «Рот».

Она улыбнулась, не охраннику, а Дмитрию, и сказала так, как в этом году говорили все: «Иди ты».

Тогда он в первый раз услышал это не как шутку. Во второй раз это будет через пятьсот лет, и скажет это ребёнок с его браслетом в кулаке.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.